

УДК 808.2

**РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА:
УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ В ДИАХРОНИИ¹**

© 2012 г.

К.М. Богрова

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

ksbogrova@pochta.ru

Поступила в редакцию 10.09.2012

В статье рассматривается отражение русской национальной концептосферы в устойчивых сравнениях древнерусского языка. Исследуемый языковой материал показывает, что мышление древнего человека основано на сопоставлении мира человека и мира природы.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, синкретема, устойчивое сравнение, бинарная оппозиция, концептуальная форма ментальности.

В последние десятилетия ученые-лингвисты все чаще обращаются к исследованию концептосферы, совокупности концептов, которые являются «результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [1, с. 151]. Одной из составляющих общего понятия концептосферы является национальная концептосфера, включающая совокупность концептов, общих для всех носителей соответствующей культуры и ментально объединяющих нацию [2, с. 77]. В лингвистике существует целый ряд работ, посвященных исследованию концептов, при этом дискуссионным остается вопрос о содержании понятия концепт. В нашей работе концепт, вслед за М.В. Пименовой, понимается как «инвариант означаемого, единица эмического (абстрактного) уровня (сопоставимая с фонемой, морфемой, лексемой, синтаксемой), которая на этическом (конкретном) уровне материально реализуется в лексических значениях, сигнификатах – интенционалах и экстенционалах, внутренних формах слов – способах представления внеязыкового содержания (подобно тому, как фонема реализуется в звуках/аллофонах, морфема – в морфах/алломорфах, лексема – в словоформах и лексико-семантических вариантах, синтаксема – в синтагмах/предложениях и др.)» [3, с. 35].

Репрезентацией концепта являются не только отдельные лексемы, но и устойчивые сочетания слов.

¹ Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.В37.21.0095 «Когнитивные исследования национальной концептосферы: язык, текст, культура».

Funding

The study was supported by The Ministry of education and science of Russia, project № 14.В37.21.0095.

Устойчивые сочетания древнерусского текста получили в научной лингвистической литературе различные терминологические наименования: «формула-синтагма» (В.В. Колесов), «устойчивая формула» (О.П. Лопутко), «традиционное устойчивое словосочетание» (О.В. Творогов), «синкретема» (М.В. Пименова) [4–7] и др. Употребление различных терминов для определения данных единиц указывает на их отличие от современных фразеологизмов, заключающееся прежде всего в семантике анализируемых единиц: синкретемы «реализуют отражающее древнюю концептуальную форму ментальности (ментализацию) синкретичное значение, основанное на метонимии» [7, с. 53].

В научной литературе существуют различные классификации минимальных лексических единиц древнерусского текста. Во-первых, при классификации синкретем учитываются экстралингвистические факторы, т.е. классификация осуществляется на уровне текста, в результате чего были выделены, например, формулы боя (А.С. Орлов [8]) и т.д. Во-вторых, минимальные единицы древнерусского текста рассматривались как принадлежность того или иного типа языка (преимущественно – делового), т.е. классификация осуществляется на уровне языка как системы подсистем (Л.Я. Костючук, Г.А. Селиванов и др. [9–10]). В-третьих, устойчивые сочетания древнерусского текста анализировались с точки зрения структуры, т.е. на уровне языковых единиц. В результате подобного анализа были выявлены особые структурно-семантические модели (парные именованья, этимологические фигуры / figura etymologica, устойчивые сравнения, постоянные эпитеты, сочетания с

устойчивыми книжными атрибутами, описательные глагольно-именные обороты, предикативные конструкции и под.).

М.В. Пименова выделяет синкретемы парадигматического, синтагматического и эпидигматического структурно-семантических типов [7, с. 58–60].

Синкретемы эпидигматического структурно-семантического типа представлены одним видом – этимологическими фигурами, являющимися именами существительными и родственными им прилагательными, объединенными общим корнем / глагольными формами (*свет светлый, видеть видение*) [7, с. 58–60].

К синкретемам парадигматического структурно-семантического типа относятся следующие виды: а) **парные именованья** – устойчивые двухкомпонентные сочетания, представляющие собой сочинительное соединение семантически связанных лексических единиц, реализующих нерасчлененное значение парности (*радость и веселие*); б) **двандва** – устойчивые сочетания, компоненты которых представлены антропонимами (*Петрь и Павелъ*).

К синкретемам синтагматического структурно-семантического типа относятся сочетания, соединенные подчинительной связью. Во-первых, атрибутивные сочетания: а) словосочетания с **постоянными эпитетами** (*добрый молодец, красна девица*); б) словосочетания с **устойчивыми книжными атрибутами** (*великий князь, святой духъ*). Во-вторых, глагольные синкретемы: а) **описательные глагольно-именные обороты** (*сътворити миръ, взяти победу*); б) **конструкции с императивом**, выражающие благопожелания / проклятия (*дажь Богъ, будь здоровъ*). В-третьих, **предикативные конструкции**: а) интенсифицирующие (*бысть съча зла*); б) аксиологические / выражающие оценку (*свършьень разумом*). В-четвертых, **устойчивое сравнение**, которое выполняет в древнерусском тексте характеризующую функцию и выражается посредством сравнительного оборота с союзами *яко, ако, аки, акы, якоже*. Оно является лексико-семантическим и грамматическим единством трех и более компонентов, обладающим синкретичным значением признака, которое возникает при сопоставлении двух денотатов, связанных отношениями подобия, и формируется на базе древней языковой картины мира, отражающей мифологическо-синкретичное мышление средневекового человека.

В современной лингвистике принято различать концептуальную и языковую картины мира [11, с. 223]. Концептуальная картина мира богаче языковой и представляет собой совокупность

научных, донаучных и ненаучных знаний человечества о мире [12–13, с. 6, 25]. Близким понятию «концептуальной картины мира» является понятие «образ мира», представляющее собой отражение в коллективном сознании и в коллективном бессознательном этноса основополагающих культурных констант, социальных стереотипов, когнитивных схем, элементов концептуальной картины мира [14].

Языковая картина мира является отражением в языке концептуальной картины мира и языковым воплощением образа мира [11, с. 224] и представляет собой «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [15, с. 15]. Следовательно, представления и знания человека о материальном и духовном, о добре и зле, об истинном и ложном и так далее – всё находит отражение в языке. Кроме того, «человек не просто «фотографирует» окружающий мир, он осмысливает и оценивает его» [16, с. 12]. Осмысление и оценка предметов и явлений окружающей действительности присущи и древнему человеку.

Охарактеризовать средневековую картину мира позволяет древнерусский текст, который «отражал мировосприятие и мировоззрение, ... создавал конструктивные образцы мысли и чувства» [4, с. 9]. Вслед за М.В. Пименовой, древнерусский текст представляется в виде двух конусов, соединенных остриями: верхний конус символизирует образ Бога, внутренний мир, нижний – внешний мир, а соединяющая их часть – толкователь-переписчик, являющийся проводником Слова Божия [17, с. 15].

Следует отметить, что основным инструментом при описании картины мира является бинарная оппозиция [18, с. 155]. Для средневекового мировоззрения характерны оппозиции «мифологическое – религиозное», «положительное – отрицательное».

Древнейшие представления о светлых и темных силах находят отражение в языке. С приходом христианства противопоставление «светлое / доброе – темное / злое» сохраняется: с одной стороны стоит Бог, а значит, абсолютное, сверхъестественное бытие, которому противопоставлено все многообразие естественных вещей, наделенных бытием [16, с. 13]. Для сред-

невекового человека характерно двойственное восприятие действительности на логико-понятийном и образно-чувственном уровнях.

В древнерусских произведениях «сравниваются объекты материального мира и мира духовного», – пишет Д.С. Лихачев [19, с. 202]. Этим подчеркивается духовное значение материального мира. «Сравниваются события и лица современной писателю истории с событиями и лицами Ветхого и Нового завета» [Там же]. В сравнении осмысливается значение происходящего.

Следует отметить, что особенностью древнего художественного мышления является то, что сознание не проводит резкой грани между миром природы и жизнью человека. А.Н. Веселовский заметил, что древнехудожественное мышление – это анимистическое мирозерцание, то есть перенос на явления природы человеческих свойств. Поэтому сравнение, предполагающее сознание раздельности сравниваемых предметов, возникает только тогда, когда человек уже вычленил себя из природы. До этого, по мнению исследователя, никакое творчество не было возможно, «человек еще не противопоставил себя природе и не мыслит себя вне природы» [20, с. 334].

Анализ устойчивых сравнений показывает, что для средневекового человека, которому свойственно воспринимать мир посредством бинарной оппозиции *живое – неживое*, концепт «природа» является преобладающим. Он выражен разными средствами вербализации, в число которых входит и устойчивое сравнение, репрезентирующее концепт «природа» в древнерусских текстах. Следует отметить, что указанные устойчивые сравнения являются многочисленной группой и составляют около 60 % от всех выделенных единиц.

Как уже говорилось выше, древний человек воспринимал мир посредством оппозиции *живое – неживое*, что отражено в устойчивых сравнениях, где эталоном сравнения становятся объекты живой и неживой природы.

Рассмотрим типы устойчивых сравнений, в которых эталонами являются объекты живой природы (животные, птицы, насекомые, рыбы). Во-первых, это устойчивые сравнения, эталонами которых являются наименования животных (*волкъ, агнецъ, зверие, левъ, овца, ехидна* и др.), например: *Амазоне же мужа не имуть, но и аки скоть бессловесный единою лѣтомъ къ вѣшнимъ днемъ оземьствени будутъ...*; *Князю Святославу възрастѣши и възмужавши, нача вои совокупляти мнози и храбры, и легько ходя, аки пардусь, войны мнози творяше* (ПВЛ: 32, 78); *Поиде же безбожный [Мамай] на Русь,*

аки левъ ревый пыхаа, аки неутолимая ехидна гнѣвом дыша (Сказ. Мам.поб.: 134); *Вѣмѣншамя, яко овьна на снѣдѣ* (Сказ. Бор. Гл.: 288); *И облизахутся на нас аки волци стояще ...* (Поуч. Влад. Мон.: 404); *Бѣсъ же изыде яко тма из сосуда, и ста яко конь пред кѣльєю святаго, яко же требѣ святому* (Пов. путеш. Иоанна: 456); *Был ми еси, сыне, яко коза нача ясти черленое зелие...*; *Был ми еси, сыну, аки крот, иже противу солнца легль...* (Пов. Акире: 276, 278); *Не ваю ли храбрая дружина рыкають, аки тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ?* (Сл. пл. Иг.: 380); *Сий же, господи, приходящее, аки змий к гнѣзду окаанный Мамай, нечистый сыроядецъ ...* (Лет.пов. Кулик.: 120); *Вземъше оружье, яко звѣрье дивии, пришедъшимъ имъ к ложници, идеже блаженный князь Андрѣй лежитъ ...* (Пов. убиении).

Во-вторых, группа устойчивых сравнений, эталонами которых являются имена существительные, обозначающие различных птиц (*орел, ястреб, сокол, горлица, голубь* и др.), например: *Блаженный же бѣ яко птица ятъ руками, не умѣа, что глаголати или что отвѣцати...* (Жит. Авр. Смол.: 80); *И дошед полки злочестиваго царя ... собирая християнъ пленных и отпуцаяво град свой, прехрабро скакаше по полком, яко орел по воздуху лѣтая* (Сл. Мерк. Смол.: 206); *И препоясаша на себя оружия своя и вседоша на кони своя, и побѣхаша, яко златокрылые ястребы, кони же подѣ ними яко летаху; И то слышавъ, Девгеній поцеловавъ ю, и противъ ихъ поеха, издалече стрети ихъ, и яко дюже соколь ударися посреди ихъ...* (Девг. деяние: 30, 54); *А бога дѣля пусти ю ко мнѣ... посажю на мѣтѣ, и сядет аки горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о бозѣ* (Поуч. Влад. Мон.: 412); *И по брацѣ цѣломудрено живяста, яко златоперсистый голубь и сладкоглаголива ластовица...* (Жит. Дм. Ив.: 210); *Единомыслии же друзи вы сѣдоша из дубравы зелены, аки соколи искушеня урвалися от златых колодиць, ударилися на великиа стада жировины, на ту великую силу татарскую ...* (Сказ. Мам.поб.: 178).

В-третьих, группа устойчивых сравнений с эталонами-наименованиями насекомых (*муха, пчела*), например: *И тако взя побѣду на бѣсы, яко мухы ни во что же имяше страшенья ихъ и мечтанья ихъ* (ПВЛ: 208); *И тако побѣду взя на бесы, яко имух ни въ что же имя устрашения их и мѣчтанья* (Патерик); ... и мысли *аки мухи* вязнуть в поставъ паучий ...; *Буди, аки пчела, извону нося цвѣты, а внутрь соты дѣлая, да не дымѣвъ солнца мѣсто примешу* (Посл. Якова:

454, 460); *Обыдоша мя, яко пчелы соть и разгорѣся, яко огонь в тернии* (Жит. Дм. Ив.: 224); *И кормимъ словомъ божиимъ, яко дѣлолюбивая пчела, вся цвѣты облѣтаючи и сладкую собѣ пишу приносящи и готовящи...* (Жит. Авр. Смол.: 72).

В-четвертых, устойчивые сравнения, называющие рыб: *И с тѣх гор пылаеть огонь по многимъ местом, и в том огни живутъ черви, а безо огня не могутъ жити, аки рыбы без воды...* (Сказ. Инд. цар.: 468).

Сопоставление каких-либо объектов, относящихся к миру человека, с объектами неживой природы также является распространенным способом сравнения в средневековую эпоху. Рассмотрим устойчивые сравнения, эталонами в которых являются объекты неживой природы. Это, во-первых, устойчивые сравнения с эталонами, называющими различные деревья, кустарники, травы, например: *А запрочими людми гнашася безбожнии татарове... а все сбкучи люди, яко траву...* (Лет. пов. монг.-тат. наш.: 168); *... и подавишася сами, а друзии падаху с мостка в ровъ, акы сноповѣ; Бяхуть бо полчи видениемъ, акы боровѣ велицѣи* (Гал.-Волын. лет.: 352, 364); *... и урва ми сердечное корение и унзе мя, яко бездушную трость* (Девг. деяние: 30); *... богатѣри же рускыя и воеводы, и удалыя люди, аки дрѣва дубравнаа, клонятеся на землю под коньскыя копыта...* (Сказ. Мам. поб.: 176); *Праведникъ яко финикъ процвѣтетъ, яко кедръ ливанскій умножится насаждение в дому господни* (Физиолог: 478).

Во-вторых, группа устойчивых сравнений, обозначающих различные природные явления, например: *... и дьяволь исчезе, аки молния, сквозь землю отъ лица господня* (Сказ. сотвор. Адама: 148); [Черноризцы] *яко пресвѣтлаа свѣтила в Руской земли сиаху ...; Страны дивятъся отцемъ, бывшимъ в ней, како просиаше, яко звѣзды на тверди небеснѣй ...* (Патерик); *... и стязи ихъ золоченыя ревутъ, просътирающеся, аки облаци, тихо трепещуци, хотять промолвити ...* (Сказ. Мам. поб.: 164); *Ляхомъ же крѣпкоборюще и суличами мечюще и головнями яко молнья идяху ...; И воемъ же всимъ съсѣдшимъ, и оружьшимъся исо стана, щитѣ же ихъ, яко заря бѣ, шоломъ же ихъ, яко солнцю восходящу, копиемъ же ихъ дрѣжащимъ в рукахъ, яко трѣсти мнози ...; Бысть мятежъ великъ в самѣхъ татарѣхъ, избившася сами промежи собою бецисленое множество, акы пѣсокъ морскы* (Гал.-Волын. лет.: 316, 318, 360); *... и нѣкая жена вельми пресвѣтла сияючи, предстоящи и одежу бѣлу, яко подобну снѣгу бѣлѣшии, дрѣжащи* (Жит. Авр. Смол.: 68).

В-третьих, устойчивые сравнения, в которых эталоном являются камни, металлы, например: *Прибде же на иное мѣсто, видѣ Пересвѣта черныца, а пред нимъ лежыт поганый печенѣгъ, злый татаринъ, аки гора ...* (Сказ. Мам. поб.: 184); *Многажды же бываетъ со искушениемъ над святыми попущениемъ божиимъ, да болма прославятъ и просвѣтятся яко злато искушено* (Пов. путеш. Иоанна: 454).

В-четвертых, устойчивые сравнения с эталонами, обозначающими воду, например: *И припаде къ чудотворному Николину образу любовно сокрушеннымъ сердцемъ, и испущая слезы от очю, яко струю* (Пов. Ник. Зараз.: 182); *И течаше кровь христьянская яко река сильная, грѣхъ ради нашихъ; Слезы же его от очю, яко потокъ, течаше ...* (Пов. Ряз.: 188, 194); *Сыну, аще бо рана сынови, то яко вода на виноградъ възливается ...* (Пов. Акире: 250).

Проведенный нами анализ памятников показал, что в начале древнерусского письменного периода (XI в.) ядром концепта «природа», вербализованного в устойчивых сравнениях, являются лексемы – родовые и видовые номинации животных (*зверь, скоть, влѣкъ* и др.). Ближайшую периферию анализируемого концепта занимают устойчивые сравнения с эталонами, называющими различные природные явления (*солнце, заря, дождь, молния* и др.). В XII–XIII вв. происходит расширение ядра концепта «природа» за счет увеличения количества употребляемых устойчивых сравнений, сопоставляющих объекты с природными явлениями.

В XIV – первой половине XV в. (в конце древнерусского периода) происходит смена концептуальных форм ментальности: *ментализация*, проявляющаяся на лингвистическом уровне в разработке объема понятия, что связано с развитием метонимических переносов (ассоциаций по смежности), сменяется *идеацией*, когда разрабатывается содержание понятия, что обусловлено развитием метафорических переносов (ассоциаций по сходству, отношений аналогии) [21]. В составе концепта «природа» происходят качественные изменения: ядерными становятся сопоставления объектов окружающей действительности с растениями и природными явлениями, ближайшую периферию занимают номинации животных. Кроме того, широкое распространение получают устойчивые сравнения, эталонами в которых являются лексемы, называющие камни, металлы, а также водную стихию.

В заключение следует отметить, что сопоставление мира человека с миром природы яв-

ляется древнейшим способом познания окружающей действительности, что находит отражение в устойчивых сравнениях древнерусского периода развития русского литературного языка, эксплицирующих признаки объектов живой и неживой природы, тем самым выступая в качестве средства вербализации концепта «природа». При этом начало периода условно можно назвать «зооморфным», когда средневековый человек обращался к объектам живой природы (образы животных, птиц, насекомых, рыб), если возникала необходимость дать характеристику тому или иному объекту окружающего мира. В конце периода (условно назовем его «биоморфным») ситуация меняется и на первый план выходят объекты неживой природы. Таким образом, изменения в характере репрезентаций концепта «природа» свидетельствуют о смене концептуальных форм ментальности.

Примечания

1. Гал.-Волын. лет. – Галицко-Волынская летопись / Подгот. текста, пер. и коммент. О.П. Лихачева // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 236–424, 564–602.
2. Девг. деяние – Девгениево деяние / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 28–64, 531–533.
3. Жит. Авр. Смол. – Житие Авраамия Смоленского / Подгот. текста, пер. и коммент. Д.М. Буланина // ПЛДР. XIII в. М. 1981. С. 66–104, 533–537.
4. Жит. Дм. Ив. – Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича / Подгот. текста, пер. и коммент. М.А. Салминой // ПЛДР. XIV – середина XV в. М., 1981. С. 208–228, 560–563.
5. Лет. пов. Кулик. – Летописная повесть о Куликовской битве / Подгот. текста, пер. и коммент. М.А. Салминой // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 112–130, 549–552.
6. Лет. пов. монг.-тат. наш. – Летописные повести о монголо-татарском нашествии / Подгот. текста, пер. и коммент. Д.М. Буланина // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 132–174, 546–553.
7. ПВЛ – Повесть временных лет / Подгот. текста О.В. Творогова, пер. Д.С. Лихачева // ПЛДР. XI – начало XII вв. М., 1978. С. 28–232.
8. Патерик – Киево-Печерский патерик / Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. 687 с. [электронный ресурс] // <http://lib.pushkinskijdom.ru> (дата обращения 26.04.2010).
9. Пов. Акире – Повесть об Акире Премудром / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // ПЛДР. XII в. М., 1980. С. 246–280, 656–658.
10. Пов. Ник. Зараз. – Повесть о Николе Заразском / Подгот. текста, пер. и коммент. Д.С. Лихачева // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 176–182, 553–554.
11. Пов. путеш. Иоанна – Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе / Подгот. текста, пер. и коммент. Л.А. Дмитриева // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 454–462, 584.
12. Пов. Ряз. – Повесть о разорении Рязани Батыем / Подгот. текста, пер. и коммент. Д.С. Лихачева // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 184–198, 554–559.
13. Пов. убиении – Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. 687 с. [электронный ресурс] // <http://lib.pushkinskijdom.ru> (дата обращения 05.01.2010).
14. Посл. Якова – Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу / Подгот. текста, пер. и коммент. В.В. Колесова // ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 456–462; 610–612.
15. Поуч. Влад. Мон. – «Поучение» Владимира Мономаха / Подгот. текста, пер. и коммент. В.В. Колесова // ПЛДР. XI – начало XII вв. М., 1978. С. 394–412.
16. Сказ. Бор. Гл. – Сказание о Борисе и Глебе / Подгот. текста, пер. и коммент. Л.А. Дмитриева // ПЛДР. XI – начало XII вв. М., 1978. С. 278–302.
17. Сказ. Инд. цар. – Сказание об Индийском царстве / Подгот. текста, пер. и коммент. Г.М. Прохорова // ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 466–472; 612–613.
18. Сказ. Мам. поб. – Сказание о Мамаевом побоище / Подгот. текста В.П. Бударagina и Л.А. Дмитриева, пер. В.В. Колесова, коммент. Л.А. Дмитриева // ПЛДР. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 132–188, 552–558.
19. Сказ. сотвор. Адама – Апокрифы / Подгот. текста, пер. и коммент. М.В. Рождественской // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 148–152; 649–650.
20. Сл. Мерк. Смол. – Слово о Меркурии Смоленском / Подгот. текста и пер. В.В. Колесова, коммент. Л.А. Дмитриева // ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 204–208, 560–561.
21. Сл. пл. Иг. – Слово о полку Игореве / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // ПЛДР. XII в. М., 1980. 372–386, 679–688.
22. Физиолог – «Физиолог» / Подгот. текста, пер. и коммент. О.А. Белобровой // ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 474–484; 613–614.

Список литературы

1. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999. С. 147–165.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 191 с.
3. Пименова М.Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.
4. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: ЛГУ, 1989. 296 с.
5. Лопутько О.П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). Новосибирск: НГПУ, 2001. 226 с.

6. Творогов О.В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // ТО-ДРЛ. Т. XVIII. Л., 1962. С. 272–284.
7. Пименова М.Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
8. Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. 50 с.
9. Костючук Л.Я. Устойчивые словесные комплексы в древнерусском деловом языке (по грамотам XI–XIV вв.): Структурно-грамматическая характеристика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964. 22 с.
10. Селиванов Г.А. Фразеология Новгородских договорных грамот XIII–XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1953. 21 с.
11. Тропина Н.П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование. Херсон: Изд. ХГУ, 2003. 336 с.
12. Серебrenников Б.А. Предисловие // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. С. 3–7.
13. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. С. 8–70.
14. Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. И.В. Уфимцева. М.: РАН, Институт языкознания, 2000. С. 39–55.
15. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3–16.
16. Антипова И.А. Способы толкования символа в древнерусском тексте. Дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2010. 157 с.
17. Пименова М.Вас., Артамонова М.В. *Речение и разум* древнерусского текста. Часть I. Владимир: ВГПУ, 2008. 44 с.
18. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
19. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М.: Наука, 1970. 180 с.
20. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
21. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 202. 448 с.

RUSSIAN NATIONAL SPHERE OF CONCEPTS: STABLE SIMILES IN DIACHRONY

K.M. Bogrova

The article considers the reflection of Russian national sphere of concepts in stable similes of the Old Russian language. The observable language material shows that the mentality of the ancient people was based on correlation between human world and nature.

Keywords: concept, sphere of concepts, syncreteme, stable simile, binary opposition, conceptual form of mentality.